

А.И. Кузнецова
«Карнавал животных» и проблемы ретрогностики
(на примере уральских языков)

Однажды Гегель ненароком
И, вероятно, наугад
Назвал историка пророком,
Предсказывающим назад
Б.Л.Пастернак
PS. *Историк – читай филолог*

Обнаружение и анализ всё новых и новых явлений в ретроспективе языка и решение в этой связи новых задач были известны в лингвистике издавна; продолжают они и в настоящее время. Лет 20 назад в Воронежском госуниверситете было начато целенаправленное изучение основ лексико-семантической прогностики (по инициативе А.А. Кретова) с учетом тех или иных хронологических слоев. При этом не сразу стало очевидным, что ретрогностика в каком-то смысле может быть близка (если не сказать, идентична) историческому или даже праязыковому анализу. Если это рассматривать действительно так, то при анализе любого лексико-семантического поля в столь далеком прошлом (а не только языка в целом) необходимо учитывать результаты археологических раскопок, устанавливать, какие народы, когда и куда переходили, с кем контактировали, каковы особенности того или иного диалекта древнейшего периода. Видимо, ретрогностика в подобной ситуации должна соответствовать определенному древнему периоду языка, о котором уже многое известно историкам, этнографам, антропологам и т.д. В своем автореферате докторской диссертации А.А.Кретов охарактеризовал ретрогностику (или прогностику исчезающего) как область науки, занимающейся «анализом пережитков», «внутренней реконструкцией» [Кретов 1994. с.4]. Однако надо иметь в виду, что некоторые «пережитки» оживают через несколько столетий, переставая быть таковыми: напр., в древнерусском языке отдельные глаголы движения выступали не только как непереходные, но функционировали и в качестве переходных (*ездить воз сена, бродить реку*). В настоящее время (по крайней мере, в разговорном языке) «оживла» и усилилась тенденция употреблять непереходные глаголы (не только движения) как переходные (напр., *бежать дистанцию, лопнуть мяч; не я выйду, а меня выйдут из трамвая* и др.). В этой связи надо четко представлять себе и оговаривать, изучаются ли «пережитки» лишь определенного исторического среза (напр., столетия, в пределах которого и выделяются устаревающая и уже устаревшая лексика, неологизмы и основной фонд языка) или исследуются длительные эпохи языка, подразделяемые на разные в разных странах периоды развития общества (напр., праславянский язык, древнерусский; средневековая латынь и т.д. Возможен подход с иных позиций: Древний мир, эпоха Возрождения, средневековье и т.п.). Вместе с тем, следует помнить, что выявление словарного фонда языка, установление его границ и происходящих в нем изменений понимались в разное время по-разному (см. работы М.М.Покровского, Сवादеша, Н. Трубецкого и др.). Долгие споры велись относительно того, что считать входящим в основной словарный фонд разных языков; учитывать или игнорировать специфику местонахождения, род занятий разных народностей и проч. Едва ли не самым трудным для лингвиста является проведение границы между настоящим и прошедшим и настоящим и будущим состоянием языка.

В качестве примера анализа пограничной зоны между этими этапами (включая вторгающееся в язык его будущее) можно привести коми язык, носители которого проживают в основном в лесной зоне страны, частично в лесотундре, с чем связаны

хозяйствование (зависящее от места обитания), проблемы религиозного характера, сам образ их жизни. При анализе лексико-семантического поля животных в разных диалектах коми языка, как оно представлено в настоящее время (имеется в виду уходящее 50-летие), попытаюсь объяснить причины, благодаря которым издавна формировался и постепенно сложился лексический состав исследуемого поля на его сегодняшний день. Преимущественное внимание будет уделено говорам ижемского диалекта.

В коми языке встречаются случаи наименования одного и того же животного в пределах одного языка (но, как правило, в разных говорах или диалектах) разными словами, создавая тем самым что-то вроде (лже)синонимии. Вместе с тем одно и то же наименование в разных диалектах или говорах характеризует разных животных. Что могло влиять на появление и закрепление в большом ареале проживания коми какого-либо одного наименования для разных животных? Одновременно в тех же районах наблюдаются случаи изменения или даже исчезновения какого-то наименования животного (но не его самого!) и замены его названия другим. Подобный «маскарад животных» (не называя, впрочем, его таковым) описывала в свое время Анна-Реэт Хаузенберг в своей работе 1972г. «Названия животных в коми языке (сравнительно-исторический анализ)». Продолжается «карнавал» и в настоящее время, судя по беседам с носителями мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка, что было обнаружено мною в экспедициях 2008 и 2009 гг. в этот район. Жители села то и дело говорили, что какое-либо слово, называющее определенного животного, в соседних говорах и диалектах обозначает другое животное. Что важнее для лингвиста: подсчеты наименований, каждое из которых обозначает разных животных, или (наоборот) фиксация самих животных, нередко имеющих по два и даже более названий? Что именно провоцирует язык на подобные изменения, в чем их причина? Когда начался этот карнавал? Причин может быть несколько.

1. Одной из них можно считать широко распространенное явление табуирования. Оно связано с запретами, налагаемыми не только на определенные действия, предметы, на животных, события, но и на слова, их означающие (*табу* – из полинезийского глагола *ta* ‘отмечать, выделять’ и наречия усиления *pu* ‘всецело’). Можно привести несколько примеров, используя материал А.-Р. Хаузенберг и сведения, собранные в экспедиционных условиях в с.Мужи (Грант РГНФ 09-04-18039е).

В коми-зырянском языке *волк* имеет несколько табуистических наименований, прежде всего – *лэк зьвер* ‘плохой зверь’, причем в 1970-е гг. в с.Мужи молодые воспринимали данное словосочетание в прямом смысле, а сейчас (2009г.) обычно заменяют его русским словом *волк*, иными словами, в настоящее время волк, будучи хищником, губившим скот, не табуирован. По предположению Д.К. Зеленина, это объясняется тем, что коми – не охотники. Между тем первичным (не табуированным) наименованием было слово *кõин* [КРС]. В.И.Лыткин и Е.С.Гуляев восстанавливают форму **kion*. *Кõин* ‘волк’ встречается в верхне- и среднесыольском диалектах, а также в летско-лузском и печорском [ССКЗД]. В ряде финно-угорских языков собирательное название *зверь* употребляется для обозначения и волка, и медведя (кстати, и в русском языке *медведь* – табуированное наименование, эвфемизм). Интересно, что: в печорском диалекте коми языка *зверь* означает куницу, а в зывинском – лося. В свою очередь, лось имеет собственные эвфемистические наименования, и прежде всего *йõр* ‘лось, сохатый’ (букв. ‘сила’), а в с.Мужи – это *вõр-мõс* (букв. ‘лесная корова’).

Одновременно в разных ареалах распространения коми языка (на севере и северо-западе в Коми плюс на расстоянии нескольких сот километров (!) к югу в коми-пермяцких говорах) зафиксировано слово *лола* ‘лось’ (известно оно и в с.Мужи). Однако в общепермском языке это название – табу, происходящее от *лов/лол* ‘душа; дух, жизнь; существо’.

В номинациях многих животных (особенно хищников) всегда важны были запреты, в результате чего зверя переименовывали по различным признакам. Таким

эвфемистическим признаком могла стать окраска зверя, его пища, место обитания: *визя бõж* ‘бурундук’ (букв. ‘полосатый хвост’); *няр борд* ‘летучая мышь’ (букв. ‘замшевое крыло’), *му кань* ‘крот, крыса’ (букв. ‘земляная кошка’). В разных диалектах (коми-язвинском, ижемском) есть свои широко распространенные табу для обозначения лося: *кузь-кок* (букв. ‘длинная нога’) и уже приводимое ранее *вõр-мõс* или *вўрпийан* (устар. коми-язвинское ‘дикий зверь’), *секатэй* ‘сохатый’. Табуировались и другие животные: соболь – это *небыд-кок* (букв. ‘мягкие лапы’); медведь – (*ош*) *гара пель* (букв. ‘мохнатые уши’) и т.п.. Могли появляться и описательные замены, как у селькупов, где волк – это *ätäl’ amuryl’ suryp* (букв. ‘оленья пожирающий зверь’). Таким образом, во всех самодийских языках, как и в финно-угорских, табуированных слов очень много, и часто не только одно животное «скрывается» за разными наименованиями, но и за одним и тем же словом «прячутся» разные животные. Нередко из-за табуирования исконное название, по свидетельству Д.К.Зеленина [1929], передается забвению, а взамен усваивается заимствованное слово. В результате любые подсчеты наименований какого-либо зверя бывают сильно затруднены, если не сказать, что просто невозможны..

2. Однако одним табуированием далеко не всегда можно объяснить совпадения в наименовании разных животных. Напр., *вõркась* – это может быть и лесная куница, и рысь, и россомаха, а *пасича* – и ласка, и горностай. *Анча* – это наименование и песца, и европейской норки, а *низь* означает в одних говорах лесную куницу, в других соболя, а в третьих (правда, в сочетании со словом *ва* ‘вода’) водяную норку (*ва низь*). Охотник из с.Мужи метко назвал норку, завезенную в начале 1960-х г.г. из США в Россию, грозой рябчиков и ондатр: «Норка ондатру ест, как шоколад» (правда, и у норки есть враги – орлан и лиса). А.-Р. Хаузенберг допускает, что «еще в финно-угорском языке-основе (!) словом *низь* «обозначали в одном диалекте куницу, в другом соболя» [Хаузенберг, 1972, с.47]. Известен гибрид куницы и соболя, называемый *кидас* или *кидус* (язвинский диалект) По мнению В.И.Лыткина, это красноватый соболь. Данный зверь водится в ареале западного и восточного склонов Урала и Печорского бассейна. Первые сведения о нем появились уже в трудах Палласа. Обращает на себя внимание, что все приведенные примеры смешенья в наименованиях зверей наблюдаются в пределах отряда Хищные (Carnivora) в рамках семейства Куньи (Mustelidae) и семейства Кошки (Felidae). Смешенья подобного типа есть и в семействах других отрядов, но встречаются реже.

Причин столь неожиданного появления «квазисинонимов», названия (именования) одним и тем же словом разных зверей в районах, находящихся друг от друга на большом расстоянии, достаточно много. (не говоря уже о табуировании животных, о чем речь шла ранее. См. п.1). В частности, появление одного и того же названия для разных животных, нередко обитающих на большом расстоянии друг от друга, свидетельствует о **переселениях племен**. Эти переселения происходили не только в районах западнее уральских гор на территории, где сейчас проживают коми зыряне, коми пермяки и коми язвинцы, и дальше на запад, вплоть до мест проживания саамов. Миграции населения коми края (внешние и внутренние) начались, по мнению историков [Жеребцов 1989; Жеребцов, Сметанин 2003], уже в XIV в. Их причиной послужили трудности в развитии охоты и рыболовства, являвшихся основой существования местного населения Коми края. В XVI-XVII вв. усилилась внешняя миграция за пределы коми края на Урал и в Сибирь, в том числе безвозвратная. Одним из таких мест оседания коми-ижемцев (называющих себя зырянами или изьватас, но не коми!) стало село Мужы Шурышкарского района ЯНАО, где в первой трети XIX в. появились первые переселенцы из-за Камня (в частности, из с.Колва). В результате безвозвратной миграции коми населения за Урал из разных районов европейской части России, где выделяется 12 диалектов [ССКЗД 1961], в Сибири усилилось смешение говоров коми языка, так что можно говорить, напр., о мужевском говоре ижемского диалекта, в котором продолжается «карнавал» животных. Использование названий одних животных для обозначения других охватывает, судя по всему, огромную территорию по обе стороны

Уральского хребта. Те названия, которые в какие-то периоды только начинали появляться, привнесенные извне, постепенно могли вытеснять старые, а по прошествии еще какого-то периода времени вытеснялись из употребления совсем. Ушедшее из языка совсем или где-то оставшееся в виде раритетного явления может быть обнаружено исследователем-лингвистом спустя много лет или даже веков. Так, известно, что в настоящее время в с. Мужы спокойно употребляют слово *волк* вместо уже вышедшего из употребления сочетания *лѣк зьвер*, служившего в свое время табу для названия *кõйин / кõин*, которое сохранилось пока лишь в нескольких говорах (зафиксировано, напр., в с. Гам) и приводится в КРС. В с. Мужы однажды удалось записать от человека, работавшего на звероферме с песцами, слово *кõин* в значении 'песец' (неясно, забыл говорящий значение слова, или слово изменило свое значение).

3. Переселение народов неминуемо вело к контактам с другими народностями. В коми языке при сношениях коми с русскими, с индоиранскими и тюркскими племенами, позднее с ненцами и другими народами появлялись **заимствования**, которые вытесняли исконные коми слова, в том числе и обозначающие животных. Так, встречаются заимствования из тюркских языков: *донгуз* 'кабан' (вместо коми названия *вõр-порсь* букв. 'лесная свинья', где второй компонент считается индоиранского происхождения); *тулан* 'куница', *кõч* 'заяц'. Самыми древними заимствованиями являются индоиранские: *вõрканы* 'рысь' (в разных диалектах может обозначать также куницу или росомаху), *мõс* 'корова', *ыж* 'овца', *õи* 'бык', *вурд* 'выдра' и др.

Заимствования из финно-угорских языков и самодийских А.-Р. Хаузенберг оценивает как более поздние. Она приводит примеры заимствований из хантыйского языка (*ош* 'медведь', *кынь* 'песец'); из карельского (*кась* 'кот, кошка'), из удмуртского (*ву чайы* 'бобр', букв. 'водяная норка') и др. Появляются смешанные по происхождению названия животных, напр., *вõркась* 'куница' (букв. 'лесная кошка'). К ненецким заимствованиям, которых много в лексике коми оленеводов в с. Мужы, относятся *кõр* 'олень', *авко* 'олень, вскормленный в чуме', *ханторка* 'яловая самка оленя, бесплодная важенька', *кыбõрда / кӯбõрда* 'лось', *менурей* 'неприрученный кастрат старше 4-5 лет' и др.

В настоящее время слова из русского языка составляют самый значительный слой заимствованной лексики, но наименований животных среди них сравнительно немного, хотя в целом их количество растет: *зверь, куница, лиса, нерпа, соболь* и др.

Нелегко подвести итоги, заглянув в предложенный калейдоскоп. Группу слов коми языка, означающих животных, с позиции ретрогностики следует отнести, безусловно, к раритетным явлениям в языке. Вряд ли возможно проводить анализ подобных групп слов в тот или иной исторический период (особенно в древние эпохи существования коми языка). Как восстанавливать отсутствующие звенья (о которых можно даже не подозревать) языка, письменность которого появляется лишь в XIV в? Какие и сколько было диалектов в древности? Какие, с кем и когда возникали языковые контакты? Надежных ответов на эти вопросы пока нет. Именно поэтому и было взято для исследования последнее пятидесятилетие, материалы по которому, с одной стороны, имеются в ССКЗД [1961], с другой стороны, собирались мною в полевых условиях. По сравнению со словами других лексических групп слов современного коми языка бросается в глаза обилие табуированных слов в этой группе (дань прошлому), постепенно заменяемому словами из других языков. Вместе с тем, поражает обилие заимствований, в основном из русского языка, количество которых растет, как снежный ком. Сохранность собственно коми слов среди зоонимов невелика: *пон* 'собака', *шыр* 'мышь', *сер* 'куница' (последнее слово практически вытеснено уже русским заимствованием) и др., но в пределах иных лексических групп коми слова преобладают. В языке происходит по мере развития общества регулярный процесс вытеснения из употребления устаревающих слов, на смену которым приходят новые, часто заимствуемые из других языков, при сохранении основного словарного фонда языка. Этот непрерывный процесс постепенно приводит

язык к переходу в новую стадию, о которой трудно судить по далеко не первостепенной по важности группе слов коми языка..

Литература

Жеребцов И.Л. Миграции населения коми края в период феодализма. – Сыктывкар, 1989.

Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф. Коми край. Очерки о десяти веках истории. – Сыктывкар, 2003. 266 с.

Зеленин Д.К. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии. Ч.1. Запреты на охоте и иных промыслах // Сборник Музея антропологии и этнографии. VIII, Ленинград, 1929, с.1-151.

Кретов А.А. Основы лексико-семантической прогностики//Автореферат дисс...докт. филол. наук – М.,1994, 35с.

КРС – Коми-русский словарь. Под ред В.И. Лыткина. – М., 1961.

Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар, 1999. 430 с.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянского языка. Под ред. В.А.Сорвачевой. – Сыктывкар, 1961.

Хаузенберг А.-Р. Названия животных в коми языке (сравнительно-исторический анализ). – Таллин, 1972. 251с.